

Читайте в серии:

В. Кунин. «Интердевочка»

В. Кунин. «Сошедшие с небес»

О. Руднев. «Долгая дорога в дюнах»

И. Грекова «Хозяйка гостиницы»

К. Шахназаров «Курьер»

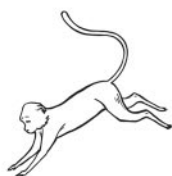
И. Грекова «Свежо предание»

О. Руднев «Долгая дорога в дюнах II.

История продолжается»

О. Руднев «Рейс 317»

Олег Руднев

Рейс
317

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р83

Разработка серии и дизайн обложки
Анастасии Ивановой

Руднев О.
Р83 Рейс 317 : повести, рассказы / Олег Руднев. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 304 с. — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).

ISBN 978-5-389-27707-6

Под обложкой этой книги собрались истории о сильных женщинах и храбрых мужчинах, о потерях и обретениях и о любви во всех ее проявлениях. Перед вами лучшие произведения малой прозы, написанные Олегом Рудневым. В этих повестях и рассказах жизнь раз за разом проверяет человека на прочность: поступит он подло или честно, выберет себя или других?.. Никто из героев Руднева не собирался быть героем или негодяем, но в момент выбора принял судьбоносное решение. Как действовать, когда близкий человек находится на грани смерти, когда неожиданное предательство довело до отчаяния или когда вот-вот упадет самолет, а ты на борту? Героям Руднева предстоит ответить на все эти и многие другие вопросы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-27707-6

© Руднев О., наследники, 2025

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
Издательство АЗБУКА®

Петькины именины

Повесть

ГЛАВА 1

Мы сидим у подбитого немецкого танка и нетерпеливо поглядываем на тропинку — по ней вот-вот должен прибежать Петька. Мы уже больше часа наливаемся злостью и досадой. Времени слава богу, а Буржуя все нет и нет. Буржуй — это Петька, фамилия его — Агафонов. Но это по метрике или по тетрадам. Для нас он Буржуй. Мы не виделись почти два дня — ездили на огороды.

И вот теперь, когда все собрались вместе и можно начинать дело, Петьку словно собаки съели.

Все — значит, Володька Киянов, Витька Полулященко, Ванька Кондратенко, Гришка Рудяшко и я. Но это тоже если читать по метрикам или по тетрадам. У нас все куда короче: Володьку — он меньше всех ростом — называли Шкет. Витьку — он вечно спал — Совой, Ваньку — никто так не прыгает, как он, — Козлом; мы всем гуртом не можем свалить Гришку с ног и звали его Бугаем, а меня — Майором Булочкиным. Но это еще ничего. Сначала меня вообще называли Булочником. За то, что раздавал в школе хлеб. Сами

же выбрали, а потом и пошло, и пошло. Спасло кино «Небесный тихоход». Крючков там летчика играл, Булочкина. Кое-как удалось потихоньку перекрутить Булочника на Булочкина.

Но потом наши прозвища менялись, забывались и исчезали совсем.

А Петька, он всю жизнь был Буржуем — и при оккупации, и после нее. Его за что ни схвати — везде сплошное «буржуйство». Даже в годах. Нам по тринадцать, ему послезавтра четырнадцать. На один год всего дела, а ходит на вечерние сеансы. Нас не пускают, хоть убейся, а ему пожалуйста. Уж как мы ни ублажаем тетю Пашу — в дверях всегда стоит она, даже в выходные, — как ни льстим, как ни заискиваем, все бесполезно. Вредная тетка. И ведь главное — не упросишь, не обманешь, знает каждого как облупленного. Только у Петьки все получается, как он хочет.

Бродим мы, бродим возле «кинухи», зубами от злости щелкаем, всякие планы строим, несчастья на голову контролерши призываем — все без толку. Наговоримся всласть, наругаемся и — куда денешься? — начинаем собирать гроши на билет Петьке. Уж так хочется посмотреть, уж так хочется, столько разговоров о картине, что мы согласны смотреть даже чужими глазами. Обходится это нам недешево. Во-первых, Петька требует, чтобы билет ему купили на самый дорогой ряд, во-вторых, никто не знает, когда он вернется. Редко бывает, чтобы сеанс не прерывался из-за отсутствия света. Иногда эти перерывы бывают так часто и тянутся так долго, что зрителей просят прийти досмотреть картину на следующий день. Помню, «Золотой ключик» мы всей братвой ходили смотреть три дня.

В общем, собираем мы Петьке гроши, и он идет. Высокий, с черным пушком под носом, в гимнастерке, галифе и солдатских сапожищах — все, конечно, отцовское. Петька подходит к тете Паше, небрежно протягивает билет и, не удостоив нас даже взглядом, исчезает в дверях фойе.

При фашистах в кинотеатре была конюшня. Теперь лошадей убрали, выбросили стойла, поставили лавки, в центре — несколько рядов деревянных кресел, натянули экран и начали показывать кино. От каменного пола и серых, облупленных стен тянуло такой промозглой сыростью, что мы потом даже летом, на солнце долго не могли прийти в себя.

А зимой... Зал не отапливался, и когда экран вдруг угасал, в холодной темноте начиналось что-то невообразимое. Свист, крики, топот, словно в очереди у кассы. Появлялась тетя Паша с керосиновой лампой. Шум становился тише, но ледяной мрак еще зловещей.

Впрочем, люди мерзли и бранились не столько оттого, что было холодно и неудобно, а потому, что вдруг исчезала жизнь, которая только что глядела на них с экрана.

И стоило ему вновь вспыхнуть, как в зале мгновенно наступала тишина, куда-то уплывал холод, а с ним вместе и все заботы. Плакали, смеялись, хлопали, скрипели зубами и вдруг замирали в таком молчании, что казалось, было слышно дыхание механика из будки.

Шел второй послеоккупационный год.

Петька исчезает в фойе, а мы бродим как неприкажные.

Квартальчик, в котором расположен кинотеатр, маленький. Мы его, наверное, с сотню раз обойдем,

пока не появится Петька. А он придет и начнет выкобениваться. Не спеша скрутит сигарку — из всех нас только он умеет крутить козью ножку, закурит — только он умеет так курить — с прихлебом, с присвистом, кажется, дым идет даже из ушей, а потом посмотрит на нас своими буржуйскими глазами и скажет:

— Это вам, пацаны, знать не полагается. — И томит душу до тех пор, пока кто-нибудь из нас не вызверится:

— Ну и хрен с тобою, подавись ты своим кино!

Тогда только Петька смилостивится и расскажет. Манера говорить у него неторопливая, основательная. На слушателей он почти не смотрит и слова выбирает, как яблоки на рынке. Одно к одному, чтоб выбрать так выбрать.

Если признаться, так слушать Петьку интереснее, чем смотреть кино. Нам как-то довелось увидеть то, что Буржуй недавно рассказывал. Мы ошарашенно глядели на экран и никак не могли понять, зачем так изуродовали Петькин рассказ. После этого случая, когда мы собирались вместе, кто-нибудь из нас обязательно просил:

— Ну, давай, сбреси что-нибудь.

Петька не обижался, рассказывал. Рассказывал так, что уже через несколько минут мы верили каждому его слову.

ГЛАВА 2

Витька Полулященко открывает глаза, лениво потягивается и предлагает:

— Может, за ним сбежать надо?

Гришка Рудяшко огрызается мгновенно. Он вылезает из-под танка, сердито смотрит в сторону, откуда должен прийти Буржуй, ехидничает:

— Машину послать. — И тут же уточняет: — «Студебеккер».

Бежать за Петькой — это два километра жары и неприятностей туда и обратно. Солнце печет так, словно стоишь над раскаленной печью. В каждом нашем доме — и так дышать нечем. Но главное, конечно, не в этом. Можно спокойно нарваться на мамашу, и тогда пиши пропало. И откуда только берется у них вся эта канитель? Чуть свет — вставай! Наколи дров, затопи печку, полей огород, натаскай в кадушку воды, отоварь карточки. Подай, принеси, сбегай! И все быстро, быстро.

Колонка у нас во дворе. Она единственная на всю улицу. Мне полегче — накачал и полил. А пацанам — накачал и тащи черт знает куда. А ведер этих надо... Считать не сосчитать. Земля потрескалась от жары — льешь в нее как в бездну.

Таскаем, таскаем — уже и в кистях, и в плечах ломит. Сядем отдохнуть, так не успеешь и рта толком раскрыть, как чья-нибудь мамаша пожалует:

— И что ж вы, ироды проклятые, делаете? Тут маешься, гнешься, а они лясы точат. Неужели ж у вас совести совсем нету?

Совесть, конечно, у нас есть. Мы вскакиваем и начинаем бегать с такой скоростью, что водяной след на нашем пути не успевает просохнуть. Мы понимаем: матерям трудно. До работы надо с хозяйством управиться, после работы тоже дел хватает: и постирать, и заштопать... И где только они находят эту работу?

— Ма, можно я к Петьке сбегаю?

— Я те сбегаю, ирод проклятый.

— Та я ж только на полчасака.

— Знаю я твои полчасика.

— Та шоб я лопнул, шоб...

— А ну, марш к Куприянихе за керосином! Скажи, через неделю отдадим.

Куприяниха, мамина подруга, живет у черта на куличках, и удовольствие с бутылкой керосина обойдется мне не менее чем в полтора часа; Приносишь эту несчастную бутылку, жадно хлебаешь у колонки воду и начинаешь по новой:

— Ма, можно я к Петьке сбегаяю?

И так до тех пор, пока не услышишь в ответ:

— Да иди ты, горе мое, иди, чтоб глаза мои тебя больше не видели!

Пулей бросаешься со двора, но еще быстрее тебя настигает материнское «Стой!». Ничего не поделаешь, надо выслушать наставление.

Наши мамы не любят отпускать сыновей со двора не потому, что много работы, и не потому, что хотят, чтоб мы держались за их юбки. Просто мы взрываемся. Начисто, насмерть — почти каждый день. То на минах, то на бомбах, то на снарядах. У каждого из нас свои запасы, свои тайники, и каждый день то тут, то там слышатся глухие раскаты взрывов. Мама при этом делается белее мела, бросают все свои дела и бегут узнавать: чей сегодня? И когда после этого над садами и левадами начинает метаться безутешное материнское «Ванечка... Колечка... Шурочка...», Петька зло сплюнет сквозь зубы и осуждающе скажет:

— Не сработала макитра¹.

---

¹ Макитра — глиняный горшок. Здесь подразумевается глупая голова.

Это значит, что те, от которых теперь останется в доме только портрет с черной каймою, нарушили элементарные правила саперного искусства. Их у нас много. Мы их сами выработали, сами опробовали — почитай, в каждом дворе кого-нибудь не хватает, — сами строго придерживаемся.

Со снарядами проще, на снарядах только дураки рвутся. А чего? Не лупи по капсюлю, не трогай головку... То есть трогай, но поосторожнее. Это не бомба. Та посложнее. Да и то, если с умом, так тоже ничего страшного нет. Другое дело — мины, не минометные, конечно. Снаряды мы лущим, как семечки. Для чего? Порох достаем на растопку, да и вообще пригодится. Вот настоящие мины — это да! Если не знаешь, не лезь. Прибереги на всякий случай, но не лезь.

У каждого из нас свои закрома. Есть чем и стрелнуть, и рвануть... Уж если играем, так по-всамделишному, не с пукалками. Мы тщательно скрываем свое добро друг от друга, потому что, знаете, наши кодексы чести тоже имеют свои границы. К тому же, как ни верти, лучшее место у танка пока принадлежит Петьке: самые большие закрома у него. У этого Буржуя есть все. Хочешь ракетницу — пожалуйста, нож — любой, детонаторы — на выбор. А недавно принес шесть новеньких ручных гранат, немецких. Знаете, тех, что с длинной деревянной ручкой. Не гранатки, а загляденье, в масле еще. Мы ими рыбу глушили.

Уж как мы стараемся найти Петькин склад, как стараемся, — ничего не получается. Хитрый до невозможности. Уж, кажется, все вокруг облазили, все

изучили. А он прищурит свои «буржуйские» зенки и скажет:

— Хотите, еще одну штуку покажу? — И прямо на том месте, где мы топчемся каждый день, покажет такую бомбу, что слюнки потекут.

...Нет, не любят наши мамы отпускать сыновей со двора.

— Горе мое, я ж прошу... — Мать догоняет меня у калитки и смотрит такими глазами, словно на войну отправляет.

— Та я, мам...

Мы брешем, обещаем, клянемся и... взрываемся.

А матери просят. Что им еще остается делать?

Я уже за калиткой и собираюсь бежать, как вдруг в окне появляется моя бабушка. Ну теперь все, теперь только держись.

— Вера, ты його не пускай. — В нашем доме говорят по-украински, но в особо торжественных случаях переходят на русский. Это бабушкино «його» означает «его». Она смотрит на меня обличающим взглядом и продолжает: — Он утром принес мину...

Я не верю своим ушам. Доглядела, старая. Бабушка видит мою растерянность и говорит еще более сурово:

— Он принес и сховав йие пид викном. — Бабушка делает паузу и торжествующе заканчивает: — А я найшла и выкинула йие в клозет.

Ждать больше нельзя ни одной секунды. Я срываюсь с места и бегу что есть мочи. Никакими «Стой!» теперь меня не остановишь. Глупая, глупая старуха. Она думает, что обезвредила мину. Будто в клозете не может взорваться.

ГЛАВА 3

Поэтому, конечно, за Петькой никто не пойдет.

Испытывать судьбу и рисковать свободой... Кому это надо? Мы будем ждать его здесь, в левадах, до посинения.

Левады — это наша собственность. Совсем недавно здесь проходила линия фронта. Окопы, траншеи, ходы, переходы, доты и блиндажи заросли травой, и в этом царстве мы неуловимы. К вечеру, когда улицы устало отдуваются от жары и пыли, в левадах блаженство. Пахнет разнотравьем, коровьими лепешками и болотцем. Здесь наш штаб, здесь мы отрабатываем все свои планы, отсюда начинаем набег, сюда после них возвращаемся.

Петька появляется внезапно. Мы уже одурели от ожидания и теперь с трудом верим своим глазам. Во-первых, мы все время глядели на тропинку, Буржуй словно вырос из-под земли. Во-вторых, у Петьки в зубах самая настоящая папироска. Не самокрутка, набитая самосадом, от которого мухи дохнут, а тонкая, с белым длинным мундштуком ароматная папироска. Эта папироска бросает последнюю каплю в переполненную чашу терпения, и мы собираемся хором высказать «паразиту» свое к нему отношение. Но не успеваем даже раскрыть ртов, как Петька, словно фокусник, лезет за пазуху и достает оттуда здоровенный кусок макухи¹. Мы зачарованно смотрим на «буржуйскую» руку и давимся слюной. А Петька продолжает фокусничать. Опускается рядом с нами на землю, снимает

---

¹ Макуха — жмых (укр.).

с себя рубаху, подстиляет, — не дай бог, пропадет хоть одна крошка, — и начинает делить. Нас шесть человек, и каждый должен получить свою долю. Петька раскладывает макуху на кучки, внимательно изучает, перекладывает, отщипывает, добавляет. Мешать ему не надо: лучше Петьки никто не разделит. Он откидывается далеко назад, еще раз осматривает каждую кучку и наконец разрешает:

— Навались!

В мгновение ока на рубашке словно ничего и не было, как в цирке. Слышатся только хруст да чавканье. Каждый ест по-своему. Гришка, кажется, и не жует, целиком глотает, Ванька то и дело испуганно поглядывает на руку, в которой макухи остается все меньше и меньше, я тоже не могу удержаться и ем торопливо. Один Петька не жует, а, как он сам говорит, держит харч во рту. Держит и изредка сглатывает.

Каждое утро мы бегаем в магазин за хлебом. Рабочему пятьсот граммов, ребенку четыреста, иждивенцу двести пятьдесят. Нашей семье положено тысяча сто пятьдесят граммов. Это значит: матери — она работает на механическом заводе, мне — ученику четвертого класса, при немцах я почти три года не учился, и бабушке — она и не работает, и не учится.

В магазин мы бегаем охотно. Вся надежда на счастье. Счастье — это маленькие довески в пятнадцать, двадцать граммов, не больше и не меньше. Крохотные кусочки нас не устраивают, потому что на них и смотреть нечего, только живот разболится, а больше не тронешь. Хлеб — это все. Без него мы давно отдали бы богу душу. Летом еще полбеда — овощи, трава всякая... Мы из лебеды такой борщ варим, что за уши не оття-

нешь. А зимой... Зимой туго. Хлеб — наша главная еда. От большого куска не отщипнешь, вроде воровства получается. А маленький... Его перекаладывать из руки в руку, из кармана в карман — того и гляди потеряешь... Перекаладываешь, перекаладываешь, а потом от греха подальше и положишь в рот. Не пропадать же добру. Петька при этом еще скажет:

— Шо ты глотаешь, как индюк? Ты его не тронь, он сам у тебя в роте растает.

— Та не могу я, Петя, оно само глотається...

— А ты думаешь, я могу? Я б оту буханку как за себя кинул.

Нет, Петька мог. Он ко всему подходил не так, как хотелось, а как надо было. Мы доедаем макуху и еще долго смотрим друг на друга, словно ожидая чуда. Если не удастся ночью обшарить поляковский сад, на сегодня это станет нашим единственным ужином.

Поляковы не нашенские, они приехали откуда-то сразу после немцев. Купили здоровенный каменный дом — при фрицах в этом доме был какой-то штаб — и зажили так, как никто у нас в городке не жил. При доме был большой старый сад с огородом, и Поляковы выдавливали из них все, что могли. Сам Поляков все время куда-то ездил, его всегда можно было видеть с одним и тем же чемоданом в правой руке — вместо левой руки был пустой рукав, заправленный за пояс гимнастерки, — вечно толкался на базаре, что-то продавал, покупал. Его жена, бойкая, языкатая молодуха, тоже без конца куда-то ездила, что-то увозила, привозила. Из открытых окон поляковского дома всегда пахло жареным мясом и чесноком. Там постоянно собирались какие-то подозрительные компании, пили

водку и веселились. Мужские и женские голоса визгливо кричали:

На позицию девушка провожала бойца...

Нам всегда хотелось запустить в окно кирпичину. Песню в этом доме никогда не пели так, как было на пластинке, а по-своему.

*Не успел за туманами промелькнуть огонек,
Как явился у девушки уж другой паренек...*

Мужские голоса по-жеребьячьи ржали, женские взвизгивали. Петька в таких случаях зло сплевывал и, хмуро поглядывая на поляковские окна, рубил:

— Спекулянты проклятые! — Он брезгливо кривился и добавлял: — Шмары вониючие...

Мы не знали, что такое «шмары», но были с Петькой совершенно согласны. Вообще Петька знал все, о чем ни спроси. Еще при немцах был такой случай: недалеко от нашей улицы, возле небольшого двухэтажного дома — до войны там была какая-то контора — остановился автобус. Он привез женщин, десятка полтора, накрашенных и разодетых так, что кто-то из нас сразу определил: театр. Мы было так и разошлись, уверенные, что видели артистов, если бы не Петька. Он глянул на нас, как на остолопов, и хмуро окрысился:

— Не театр, а бордель.

Это было новое для нас слово, но Петька объяснил, и все стало ясно. Непонятно было одно: как же они могут? Они же наши, советские!

...В саду у Поляковых есть все, даже баштан. Он-то нас особенно привлекает. Но шутки с хозяином плохи. Однажды мы попытались — до сих пор кое-кто поти-

рает зад от одних только воспоминаний. Соль у одно-рукого черта крупная, горячая, как огонь. Правда, в следующий раз спекулянт пообещал стрелять дробью, но это вряд ли лучше, чем соль.

Тем не менее мы пойдем на поляковский сад, и, скорее всего, это будет сегодня. Все зависит от одного обстоятельства. Мы должны наконец кое с кем рассчитаться. Это решение зрело давно, и теперь наступил тот момент, когда ждать уже больше нельзя. Но все по порядку.

ГЛАВА 4

Сатану мы увидели сразу после немцев, он вернулся откуда-то из эвакуации. Дело было на речке. Мы только что искупались и грелись на берегу. Появилось трое парней. Двоих мы знали — это были Поп и Слепой. Поп жил недалеко от железнодорожной станции и при немцах что-то там у них делал. А вообще это был вор. Ему уже стукнуло шестнадцать, и Попом его прозвали за длинные, гладкие льняные волосы, что спадали ему прямо на плечи, за елейный голосок, точно такой, как у батюшки из церкви, за быстрые, как у хорька, глазки и за невероятную жадность и нечистоплотность.

Поп был вор-паскудник. Он мог обокрасть самого себя — не признавал никаких понятий чести, в том числе и воровских. Поп сам вспоминал такой случай. С одним из своих дружков напился до такого состояния, что свалился в канаву и заснул. Первым проснулся Поп. В голове трещало, душу мучило, а опохмелиться было нечем и не на что. И тут Поп разул дружка, оттащил сапоги по одному знакомому адресочку, полу-

чил за них бутылку самогона и тут же опохмелился. Его постоянно лупили свои же приятели, но он как-то умел втереться к ним в доверие и оказаться в компании таких же паскудников, как и сам. Петька объяснял это просто:

— Пададь всегда с падалью снюхается.

Слепой когда-то учился в нашей школе. Ему тоже было что-то за шестнадцать, и никто никогда не мог подумать, что он свяжется с блатными. Но он снюхался с ними, чем дальше, тем больше сам становился падалью. Слепым его прозвали за близорукость. А вообще, их имен мы даже и не знали.

Третьего мы видели впервые. Ростом немного выше своих дружков. Сбитый, как каменюка, он широко расставлял ноги в шикарных, до блеска начищенных ботинках и, заложив руки в карманы, не шел, а раскачивался из стороны в сторону.

Волосы были коротко подстрижены, отчего голова казалась серым шаром, густые черные брови нависли над настороженными глазами. Не вынимая изо рта папиросы, он что-то рассказывал и, поблескивая огоньком фиксы, криво усмехался.

Компания подошла к берегу, незнакомый вынул изо рта папиросу, скомкал и, сложив пальцы, словно для шалабана, выстрелил ею в воду. А потом все трое начали раздеваться. Сатана, мы позже узнали эту кличку, сбросил с себя рубаху и предстал перед нами во всем своем вытатуированном величии. Синий, на всю грудь, орел, хищно сцепив лапы, крепко держал в них обнаженную женщину; на правом плече под таким же синим якорем было написано: «Нет в жизни счастья»; на левом плече: «Не забуду мать родную». Змеи, якоря, орлы и жен-

щины теснили друг друга не только на груди, но и на спине, и на ногах, и даже на пальцах.

Сатана присел на траву и принялся было расстегивать ботинки. Затем вдруг остановился, поднял голову, как-то криво ухмыльнулся, посмотрел на Петьку — тот лежал к нему ближе всех — и поманил к себе пальцем. Петька нехотя встал, подошел. Сатана, небрежно вытянув ногу — при этом он улегся на траву, — лениво процедил сквозь зубы:

— Сними корочки, парчъ!

Мы с ужасом смотрели на Петьку, на лежащего перед ним бандита и не знали, что делать. Поп и Слепой тоже смотрели на своего товарища и умирали со смеху. Ботинок покачивался перед Петькиным носом, а он все стоял, словно не понимая, чего от него хотят.

— Ты, что, что, падло, умер?

Лежащий на земле слегка приподнял голову и с удивлением посмотрел на бестолкового мальчишку. А тот и совсем отмочил такое, что и выдумать трудно, — повернулся и пошел прочь.

К сожалению, далеко уйти Петьке не удалось. Разрисованный синей тушью блатарь зверем выпрыгнул вверх, и не успели мы опомниться, как сбитый с ног Петька лежал на земле и изо всех сил старался уклониться от ударов сверкающих ботинок. Поп и Слепой по-прежнему ржали, а бьющий приходил во все бóльшую ярость. Он буквально сатанел с каждым ударом, его лицо набухало потом и кровью.

Вначале мы испугались и лежали, словно прикованные к земле, затем опомнились, вскочили, бросились на бандита и стали звать на помощь. Нас слишком много

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ОЛЕГ РУДНЕВ
РЕЙС 317

Ответственный редактор Д. Захарченко
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры О. Ануфриева, Е. Бударгина
Верстка В. Демин

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.02.2025.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Petersburg».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 5000 экз. Т-HWL-36716-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака Азбука	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – Азбука тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А. Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А. Тел.: (812) 327-04-55. Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
--	--

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

